УДК 930.85

Клюева И.В.[1]

ВСТРЕЧА С.Д. ЭРЬЗИ С Л.Н. ТОЛСТЫМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ ИЛИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА СКУЛЬПТОРА?

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

Klyueva I.V.

S.D. ERZIA'S MEETING WITH L.N. TOLSTOY: A HISTORICAL FACT OR THE SCULPTOR'S AUTOBIOGRAPHICAL MYTHOLOGEM?

National Research Ogarev Mordovia State University

Аннотация. В статье подвергается научной верификации рассказ скульптора С.Д. Эрьзи о личной встрече с Л.Н. Толстым, воспринимаемый сегодня как подлинный исторический факт. Сопоставляются различные версии данного рассказа, представленные в записях современников скульптора, выявляются противоречия между ними, а также их несоответствие документально подтвержденным фактам. Делается вывод о том, что рассказ является автобиографической мифологемой С.Д. Эрьзи. Рассматриваются возможные причины и источники ее возникновения в творческом сознании художника.

Ключевые слова: С.Д. Эрьзя, Л.Н. Толстой, история русской культуры XX в.

Annotation: The article subjects to scientific verification sculptor S.D. Erzia's story about his personal meeting with L.N. Tolstoy, perceived today as a true historical fact. It compares different versions of this story, presented in the records of the sculptor's contemporaries, reveals the contradictions between them, as well as their inconsistency with documented facts. It is concluded that this story is S.D. Erzia's autobiographical mythologem. It considers possible causes and sources of its origin in the artist creative consciousness.

Keywords: S.D. Erzia, L.N. Tolstoy, the history of the Russian culture of the XXth century.

[1] Клюева Ирина Васильевна — канд. философ. наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарёва.

Центрообразом художественного мира, созданного скульптором Степаном Дмитриевичем Эрьзей (Нефёдовым, 1876—1959) является «базовая личность» культуры романтического типа — Художник [см.: 14]. В свой пантеон «сверхлюдей» он включает великих художников и мыслителей мира [см.: 10], в том числе и России: Вл. Соловьев (1911, не сохранился), Ф.И. Шаляпин (1909, не сохранился) [см.: 12] и др. Важное место в творческом сознании Эрьзи занимал образ Льва Николаевича Толстого, к которому он обращался не менее четырех раз — в 1909, 1910, 1911, 1929—1930 гг.

Принято считать, что скульптор лично встречался с Толстым. Его рассказ об этом зафиксирован несколькими современниками. Впервые он был воспроизведен в печати в 1936 г. в Аргентине (где российский мастер жил и работал в 1927—1950 гг.) в очерке А. Кана: «Еще в годы обучения в Строгановском училище Стефан (так в тексте. — *И.К.*) познакомился с человеком, который произвел на него огромное впечатление — с Толстым. Сноха писателя была его товарищем по Училищу. Они часто встречались и симпатизировали друг другу, потому что оба... искали путь к Истине и высокому искусству. В это время Толстой вернулся из Крыма и остановился в своем доме в Москве. Там и познакомился с ним Стефан. Стефан не мог долго беседовать с ним, так как граф был не совсем здоров, но Стефан получил визуальное впечатление…» [28, с. 42]. Согласно Кану, Эрьзя еще несколько раз бывал в этом доме, но Толстого больше не видел, поскольку «боялся его побеспокоить». Впечатление от единственной встречи «навсегда сохранилось в его памяти» [28, с. 42]. В 1940-х гг. Эрьзя говорил журналисту Л. Орсетти об особом пиетете, который он испытывал к Толстому, о «восхитительной чистоте» его жизни (ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 562. Л. 30) и о своей встрече с ним: «Я его видел лишь один раз... В моей мастерской училась его родственница. Однажды она пригласила меня к себе домой. Это произвело на меня неизгладимое впечатление» (ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 562. Л. 32).

В 1946 г. он рассказывал об этом советскому послу в Аргентине М.Г. Сергееву, в изложении которого рассказ стал хрестоматийным: «…когда он учился в Строгановском училище, Эрьзя встретил Льва Толстого. Это было осенью 1902 года. В училище скульптурные классы посещала Татьяна Николаевна Толстая, приходившаяся графу Толстому снохой. Эрьзя был с ней в дружеских отношениях и нередко бывал у нее в доме. Однажды, когда он пришел навестить заболевшую Татьяну Николаевну, она ему сказала, что из Крыма в Москву, проездом в Ясную Поляну, прибыл Лев Николаевич и скоро будет дома. Когда он приехал, Эрьзю познакомили с ним. Выглядел Лев Николаевич больным и усталым. Зашел в комнату снохи, спросил о ее здоровье. Туда принесли чай. Узнав, что Эрьзя

скульптор и учится в Строгановском училище вместе с Татьяной Николаевной, он сказал, что сам когда-то в юности увлекался скульптурой и даже брал уроки. Когда Эрьзя высказал желание сделать набросок из глины (глина в этом доме была), он не возражал и сидел минут пятнадцать. Спрашивал Эрьзю, что он любит в искусстве. Толстой говорил о том, что в искусстве надо очень внимательно ко всему подходить. Сто раз надо проверять. Своей работой не обольщаться, не ставить ее выше других. Сначала надо проверить, сравнить свою работу с работой другого. Быть самокритичным. Даже если работа выходит хорошо, не успокаиваться. Надо, говорил Лев Николаевич, жить в труде, в борьбе, в вечной тревоге. Не беда, если ошибаешься, бросаешь и снова начинаешь, чего-то лишаешься. Все найдешь, если будешь бороться. В деталях разговор с Толстым Эрьзя не мог вспомнить. Это только смысл сказанного тогда Львом Николаевичем. В этом великом человеке Эрьзю поразила одна особенность; когда на него не смотришь, слушая его слова, ласкает слух его мягкий, приятный голос, а когда посмотришь на него, видишь холодный, острый, насквозь пронизывающий взгляд. Эта первая и последняя встреча Эрьзи с Львом Николаевичем в Москве была недолгой. Он устал с дороги и вскоре ушел. Хотя Эрьзя и продолжал бывать в доме Толстых, но больше он его не видел» [21, с. 53—54].

Вернувшись из Аргентины в СССР, Эрьзя также неоднократно рассказывал об этой встрече, что было зафиксировано некоторыми его биографами — писателем Б.Н. Полевым и ученым-географом Ю.К. Ефремовым. Полевой писал: «Скульптор был у писателя в юности, беседовал с Толстым и навсегда сохранил в памяти его образ» [20, с. 36]. Ефремов, как и Сергеев, говорит об эрьзинской «коллеге по училищу Татьяне Николаевне», «невестке писателя»: «В один из визитов, когда Эрьзя заглянул к заболевшей Татьяне Толстой, в Москву заехал на пути из Крыма в Ясную Поляну Лев Николаевич и зашел навестить больную: “Сижу у Татьяны, а он входит, здоровается, о ее здоровье спросил. Назвали ему меня, пожал мне руку. А сам такой старый, устал, говорит, в поезде. Тут же и чаю попили. Со мной начал про скульптуру — говорит, сам в юности лепить учился. Я скорее попросил у Татьяны глину, у нее дома была. Мне принесли, он разрешил. Я тогда прямо живого лепил, все хорошо запомнил… Закончить не успел. Зато все хорошо запомнил, как у него было. Особенно — как глядел”» [8, с. 57].

«Событие встречи» Эрьзи с Толстым давно воспринимается как достоверный исторический факт. В 1970-х гг. саранский исследователь творчества скульптора Н.И. Шибаков посвятил этому событию отдельный рассказ [26]. Сегодня его не подвергают сомнению музейные работники и другие специалисты, изучающие биографию и творчество

скульптора. Фрагмент текста Сергеева («Эрьзя и Лев Толстой») представлен на сайте Мордовского республиканского музея им. С.Д. Эрьзи [27]. А.С. Лобанова пишет: «Со Львом Толстым Эрьзя был знаком лично. В Московском училище вместе со Степаном занималась невестка писателя, которая помогла получить приглашение в знаменитый дом в Хамовниках. Разумеется, скульптор сейчас же начал создавать портрет Льва Николаевича» [16, 68—69]. Об этом же говорит Е.В. Бутрова: «Единственная встреча Эрьзи и Льва Толстого состоялась в 1902 году в Москве, в результате ее был сделан небольшой этюд с натуры» [5]. Общепризнанный факт фигурирует и в серьезных академических работах. Фрагмент из воспоминаний Сергеева включен в сборник «Л.Н. Толстой и художники» [15, с. 318]. Н.А. Бродский в статье, включенной в сборник «Толстой и изобразительное искусство», как о данности говорит, что у Толстого в Хамовниках бывал «и известный скульптор С. Эрьзя» [3, с. 40]. Об этом упоминает О.В. Калугина в своей монографии [9, с. 225].

При сопоставлении различных версий рассказа обнаруживаются несоответствия между ними: согласно одним, в момент встречи Эрьзя учится в Строгановском училище (но уже занимается скульптурой), в других называется или подразумевается Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ). Если в более ранних версиях (Кан, Орсетти) речь идет лишь о «визуальном впечатлении», которое получил Эрьзя, то в более поздних — о скульптурном этюде, сделанном им на месте — в глине, которая оказалась в доме, поскольку «родственница Толстого» также занималась скульптурой. Во всех версиях непреложным остается следующее: а) встреча Эрьзи с Толстым состоялась в Москве, в доме писателя в Хамовниках, где он остановился на пути из Крыма в Ясную Поляну (Сергеев точно датирует — осень 1902 г.); б) в момент встречи Толстой был болен; в) с Эрьзей училась родственница Толстого («невестка», «сноха»), которая жила в хамовническом доме; Ефремов и Сергеев называют ее имя — Татьяна Николаевна.

Даже на первый взгляд, при незнании конкретных фактов биографии как Толстого, так и Эрьзи эта история (особенно в более поздних версиях) вызывает большие сомнения. Ситуация представляется крайне неправдоподобной: мог ли скромный юноша, крестьянский сын, учащийся (даже самый талантливый) художественного училища (даже лучшего в Москве и в то время — во всей России), придя впервые в чужой дом (тем более, в дом великого писателя, графа), просить глину, чтобы сделать набросок его портрета (даже если он хорошо знаком с его родственницей, которая занималась лепкой — непосредственно в этом доме, что само по себе маловероятно)? Самое большее, на что он мог бы рассчи-

тывать, — сделать моментальные наброски карандашом, однако и это было бы некорректно, поскольку и сам писатель, и его родственница в данный момент были больны.

До предела неправдоподобия доводит «мифологему о встрече» Ю.Н. Папоров. В его повести Толстой, несмотря на недомогание, чрезвычайно увлекся беседой с учащимся МУЖВЗ: «…между собеседниками возникло то тончайшее понимание, которое бывает, когда встречаются люди одной профессии, души родственные, уставшие и вдруг обретшие отдохновение в радости взаимопонимания. Напрасно родные делали знаки гостю, да и хозяину тоже, завершать беседу… Беседа продолжалась и продолжалась бы неизвестно сколько времени, если бы Софья Андреевна достаточно властно не заявила вслух, что хозяин устал, пора и честь знать. Тут вошел Савва Мамонтов — Лев Николаевич замолчал… и несколько погасшим голосом пригласил Степана на чай в следующую субботу... В субботу Эрьзя не пришел к Толстому и больше никогда с ним не встречался!.. Степан увидел воочию, как трудно живется старому больному человеку в осаде гостей… и беспокоить его незачем» [19, с. 32—33].

При более внимательном рассмотрении рассказа Эрьзи во всех его версиях оказывается, что все приведенные в нем факты противоречат документированным, зафиксированным современниками и научно обоснованным фактам биографии как Толстого, так и самого скульптора. Выделим наиболее очевидные несоответствия.

1. Толстой жил в Москве, в своей усадьбе в Долго-Хамовническом переулке (ныне ул. Льва Толстого) в течение девятнадцати зим — с 1882 по 1901 гг., ежегодно проводя летние месяцы в Ясной Поляне. 8 мая 1901 г. вместе с семьей он выехал в Ясную Поляну и больше в Москву не приезжал до сентября 1909 г., когда побывал здесь в последний раз проездом [25, с. 47]. В 1901 г. здоровье писателя резко ухудшилось, и врачи посоветовали ему пожить на юге. Графиня С.В. Панина предложила в полное распоряжение Толстого и его семьи свое имение Гаспра на южном берегу Крыма (в 12 верстах от Ялты). В начале сентября 1901 г. родные и близкие вывезли больного Толстого из Ясной Поляны в Тулу, где им был предоставлен отдельный вагон в поезде, следовавшем до Севастополя. В Гаспру писатель прибыл 8 сентября 1901 г. и, покинув ее 25 июня 1902 г., вернулся в Ясную Поляну 27 июня. В Москве «проездом» ни из Крыма, ни в Крым Толстой не был, поскольку поезд из Москвы в Севастополь и обратно следовал через Тулу. Данные факты зафиксированы в записях С.А. Толстой [23, с. 69—70], секретарей Толстого — Н.Н. Гусева [7, с. 318, 419] и В.Ф. Булгакова [4, с. 565], а также в других документальных источниках.

2. Степан Нефёдов-Эрьзя начал заниматься в вечерних рисовальных классах Строгановского училища с начала 1901/1902 учебного года. Согласно документам из его личного дела в фонде училища, он приехал в Москву не ранее конца августа 1901 г. [см.: 13], т. е. когда Толстого в Москве уже не было. Летом 1902 г. он решил оставить Строгановское училище и выдержал экзамен в МУЖВЗ, где до 1903 г. учился на живописном отделении, и лишь с 1903 г. начал параллельное обучение на скульптурном отделении. В 1902 г. он еще не занимался скульптурой профессионально и готовился стать живописцем.

3. У Толстого не было снохи (невестки) по имени Татьяна Николаевна. В 1902 г. в хамовническом доме поселился его старший сын Сергей Львович со своей женой Марией Николаевной, урожденной Зубовой (которая не училась ни в Строгановском училище, ни в МУЖВЗ) и сыном Сергеем. Единственная родственница Толстого, обучавшаяся в МУЖВЗ (не в Строгановском училище!), — его дочь Татьяна Львовна, однако она обучалась здесь раньше, чем Эрьзя (1881—1896, с перерывами). Папоров интерпретирует очевидную «неувязку» следующим образом: сокурсница Эрьзи Ядвига Яворская «познакомила его со снохой Льва Николаевича, вольнослушательницей Училища, а та представила его дочери великого писателя Татьяне Львовне, которая недавно окончила то же Училище. Она-то и ввела Степана в дом властителя душ России, — в тот самый, в Хамовниках» [19, с. 32]. Отметим, что Татьяна Львовна училась в МУЖВЗ не скульптуре, а живописи. В 1899 г. она вышла замуж за М.С. Сухотина и с тех пор жила в его имении Кочеты, рядом с Ясной Поляной. В 1902 г. она вместе с отцом и некоторыми другими членами большой семьи была в Крыму, но выехала из Гаспры в Кочеты раньше него — 25 мая 1902 г.

Маловероятно и то, что будущий скульптор мог встретиться с Толстым в свой первый приезд в Москву — в 1900 г., когда пытался поступить в какое-либо художественное училище (вероятно, в конце лета — начале осени, когда Толстой находился в Ясной Поляне). В этот приезд никакими знакомыми из мира искусства ему обзавестись не удалось, и он вынужден был ни с чем вернуться в Алатырь.

Дополнительный аргумент в пользу того, что этой встречи не было — то, что рассказ скульптора о ней впервые был зафиксирован лишь в 1936 г. Он не говорил об этом многочисленным журналистам, бравшим у него интервью в России и Европе. Ничего нет о ней в очерке его первого биографа Г.О. Сутеева (1926 г., опубликован в СССР в 1968 г.) [22]. Если встреча действительно была, почему Эрьзя «вспомнил» о ней лишь спустя 34 года, но и после этого рассказывал не всем интервьюерам? Он не упомянул о ней и в своих автобиографических записях, сделанных в 1950-х гг. (ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 421).

Мордовский писатель К.Г. Абрамов, вероятно, сомневался в достоверности этого рассказа: ничего не сказано об этом в его биографическом очерке об Эрьзе [1] и очень кратко, осторожно говорится в его романе «Степан Эрьзя»: «Его (Толстого. — *И.К.*) Степан как-то случайно видел в Москве, в бытность учеником Училища живописи, ваяния и зодчества» [2, с. 211). В романе об Эрьзе мордовского писателя Артура Моро, который лично общался со скульптором в 1950-х гг., об этой встрече не упоминается [18].

Итак, встречи Эрьзи с Толстым в 1902 г. быть не могло. Теоретически она могла состояться с конца июля 1902 г. до мая 1907 г. — т. е. после возвращения писателя из Крыма и до отъезда Эрьзи в Европу. Но для этого Эрьзя должен был приехать в Ясную Поляну; он же настаивал, что встретился с писателем именно в Хамовниках.

Б.В. Томашевский, говоря о соотношении творчества и биографии художника (писателя), различал «документальную» («послужную») биографию, и «биографическую легенду», которую считал не менее важным фактом культуры (литературы): «…Своим созданиям поэт предпосылал не реальную — послужную свою биографию, а свою идеальную биографическую легенду. Для историка литературы только она и важна для воссоздания той психологической среды, которая окружала эти произведения, и она необходима постольку, поскольку в самом произведении заключены намеки на эти биографически-реальные или легендарные, безразлично — факты жизни автора» [24, с. 8]. Историю встречи с Толстым следует считать не праздным вымыслом скульптора, а автобиографической мифологемой (впоследствии дополненной фантазией его биографов). То, что Эрьзя «выдумал» свою встречу с Толстым, показательно: он был настолько зачарован личностью писателя и чувствовал такую духовную близость с ним, что, обращаясь в воспоминаниях к далекому прошлому, сам хотел верить, что встреча действительно была.

Эрьзе были близки многие черты мировоззренческой позиции Толстого: биофилия — ориентированность на любовь ко всему живому и на созидание, ощущение органической связи с миром природы, принципиальный пацифизм, протест против любых форм насилия, обостренная жажда справедливости, стремление к Истине и Добру.

То, что Эрьзя спустя десятилетия помнил многие детали биографии Толстого, объясняется не только тем, что они освещались в начале века в российском прессе. В ближайшем окружении скульптора в период обучения в МУЖВЗ были люди, находившиеся в постоянном контакте с Толстым. Это непосредственные учителя Эрьзи — Л.О. Пастернак и особенно Н.А. Касаткин, с которым он всегда был в тесных дружеских отношениях. Художник Я.Д. Минченков, учившийся в МУЖВЗ в 1894—1898 гг., вспоминал: «…Николай

Алексеевич был тогда полутолстовцем; преклонялся перед всяким произведением Толстого… В речах Николая Алексеевича было много черточек, навеянных, очевидно, Толстым. Носил он толстовку, подпоясанную ремешком. В семье Касаткина жила родственница Льва Николаевича Н. в качестве воспитательницы детей, так как мать одна не справлялась с такой большой семьей и не могла помогать детям в их учебе. Эту миссию Н. взяла на себя по-толстовски — из долга помощи чужим детям и, вероятно, из уважения к Касаткину, как художнику-народнику. Сам Толстой бывал у Николая Алексеевича (до приезда Эрьзи в Москву. — *И.К.*)… Она часто бывала в Ясной Поляне и по приезде оттуда делилась с нами своими впечатлениями о великом старце, как она называла Толстого. “Наш великий старец” склонялся у нее во всех падежах. Передавались все нужные и ненужные подробности о нем...» [17, с. 217—218, 221]. Возможно, Н. — это любимая племянница Толстого Варвара Валерьяновна Нагорнова, дочь его сестры Марии Николаевны. Она действительно часто бывала в Хамовниках и в Ясной Поляне. Примечательно, что одну из дочерей Варвары Валерьяновны звали Татьяна Николаевна (Нагорнова, в первом замужестве (до 1903 г.) Волькенштейн, во втором — Родненская). В начале 1900-х гг. Татьяна Николаевна жила в Москве и, возможно, бывала в доме Касаткина. Можно предположить, что это имя возникло в рассказе Эрьзи о Толстом неслучайно. Разумеется, эта версия нуждается в документальном подтверждении.

В 1900-х гг. Толстой был в центре внимания учащихся МУЖВЗ. Об этом можно судить, в частности, по альбому соученицы Эрьзи по скульптурной мастерской Училища — Марины Давыдовны (Матильды Давидовны) Рындзюнской (1877—1946), которая была близким ему человеком [см.: 11]. Мы предполагаем, что, говоря о своей коллеге, с которой его объединяли общие идеалы, Эрьзя имеет в виду именно Рындзюнскую. Ее старший брат — Григорий Давыдович (Давидович) Рындзюнский (1873—1937) был одним из тех, кто стоял у истоков создания Московского художественного театра (МХТ): в 1898—1899 гг. работал помощником заведующего конторой театра, в 1899—1902 гг. — секретарем дирекции. А.А. Бухарин, вспоминая его сына — известного историка Павла Григорьевича Рындзюнского (1909—1993), пишет, что Григорий Давыдович «в молодости служил одним из секретарей писателя. Вот почему и Павел Григорьевич, и его жена Валентина Альфредовна (имеется в виду археолог В.А. Мальм. — *И.К.*) были примерными вегетарианцами. Он открыл мне Льва Толстого. …Человеческий его лик стал мне доступен именно благодаря Рындзюнскому» [6]. Бухарин ошибается — Г.Д. Рындзюнский не был секретарем Толстого, однако, работая секретарем в МХТ, он общался со многими

деятелями культуры, возможно, встречался и с Толстым. Точных данных об этом нет, но косвенным доказательством может быть рисунок его сестры в одном из ее альбомов, изображающий Толстого рядом с неким мужчиной — вероятно, Г.Д. Рындзюнским. Под рисунком — название «Сцена из “Ревизора”» и реплики: «Ну что, брат Толстой?», «Да так, как-то все…» (РГАЛИ. Ф. Р-1983. Оп. 1 Д. 8. Л. 2 а). Вероятно, художница иронизирует над рассказом брата о знакомстве с писателем. Рисунок предположительно относится к 1908 г., однако, не исключено, что он сделан раньше. В альбоме также есть фоторепродукция скульптурного портрета Толстого, созданного Рындзюнской в те же годы (РГАЛИ. Ф. Р-1983. Оп. 1. Д. 8. Л. 16, 16 а).

Следует сказать также, что в окружении Эрьзи были люди, ставшие в конце 1910-х — начале 1920-х гг. членами общин толстовцев, например, дочь скульптора-архитектора С.А. Пожильцова Екатерина, портрет которой («Катя») он создал в 1915 г.

Таким образом, автобиографическая мифологема о встрече с Толстым возникла в творческом сознании Эрьзи неслучайно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственное казенное архивное учреждение «Центральный государственный архив Республики Мордовия» (ЦГА РМ). Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 421; Д. 562.

2. Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (РГАЛИ). Ф. Р-1983. Оп. 1 Д. 8.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов К.Г. Степан Дмитриевич Эрьзя: биографический очерк. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 112 с.

2. Абрамов К.Г. Степан Эрьзя: роман. М.: Сов. Россия, 1981. 384 с.

3. Бродский Н.А. Русские художники и Лев Толстой // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1981. С. 36—51.

4. Булгаков В. История Дома Льва Толстого в Москве // Л.Н. Толстой: к 120-летию со дня рождения. (1828—1948). Т. 2. М.: Гос. лит. музей, 1948. С. 523—601.

5. Бутрова Е. Странник Эрьзя // Наше Наследие. 2013. № 108. С. 160—172. Режим доступа: www.nasledie-rus.ru/podshivka/10813.php (дата обращения: 01.03.2015).

6. Бухарин А. Тропинка к Пушкину, или Думы о русском самостоянии. Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5457614158 (дата обращения 01.04.2017).

7. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. В 2 т. Т. 2. 1891—1910. М.: Гослитиздат, 1960. 920 с.

8. Ефремов Ю.К. Скульптор Степан Эрьзя: (Мордовский самородок). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 292 с.

9. Калугина О.В. Русская скульптура Серебряного века. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: БуксМАрт, 2013. 336 с.

10. Клюева И.В. «Бетховен» Степана Эрьзи в контексте художественной антропологии модерна и символизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 231—238.

11. Клюева И.В. «Дорогой друг Матильда Давидовна…»: письма С.Д. Эрьзи к М.Д. Рындзюнской как источник изучения его биографии и творчества // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 36—42.

12. Клюева И.В. С.Д. Эрьзя и украинские скульпторы: пересечения, параллели, влияние // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6—2 (28).

13. Клюева И.В. Степан Эрьзя: интерпретации творческого псевдонима скульптора (аналитический обзор) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5.

14. Клюева И.В., Гринцова О.В. Художник в культурно-исторических версиях эстетизма (романтизм, модернизм, постмодернизм) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Режим доступа: www.science-education.ru/121-18762 (дата обращения 08.06.2015).

15. Л.Н. Толстой и художники: Толстой об искусстве: Письма, дневники, воспоминания. Л.: Искусство, 1978. 375 с.

16. Лобанова А. Скульптор Эрьзя. Аргентинский период творчества // Русское искусство. 2015. № 4. 66—72.

17. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л. Художник РСФСР, 1980. 475 с.

18. Моро А. Степан Эрьзя: док.-худож. роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 336 с.

19. Папоров Ю.Н. Великий Эрьзя. Признание и трагедия: лит.-док. Повесть. Степан Эрьзя: биография в документах. Саранск, 2006. 424 с.

20. Полевой Б.С. Эрьзя (Степан Дмитриевич Нефедов). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 72 с.

21. Сергеев М.Г. С родиной в сердце // Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрьзе. Саранск, 1972. С. 31—83.

22. Сутеев Г. Скульптор Эрьзя. Биографические заметки и воспоминания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 176 с.

23. Толстая С.А. Дневники, 1901—1910; Ежедневники. В 2-х т. Т. 2. 1901—1910. М.: Худ. лит., 1978. 669 с.

24. Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6—9.

25. Хитайленко Н.Н. Лев Толстой в Хамовниках. М.: Планета, 1994. 49 с.

26. Шибаков Н. Глаза в глаза: Рассказ (Эрьзя и Л. Толстой) // Солнцестояние. Лит.-худ. сб. Саранск, 1974. С. 47—55.

27. Эрьзя и Лев Толстой. Режим доступа: http://Erzia.info/publ/stepan_dmitrievich_ehrzja/ehrzja_i_lev_tolstoj/1-1-0-11 (дата обращения 01.04.2017).

28. Cahn A. Erzia. La vida y la obra rebeldes y peculiares de Stefan Nefedov. Buenos Aires: Talleres Gráficos A.J. Weiss, 1936. 103 p.

REFERENCES

1. Abramov K.G. Stepan Dmitrievich JEr'zja: biograficheskij ocherk. Saransk: Mor-dov. kn. izd-vo, 1979. 112 s.

2. Abramov K.G. Stepan JEr'zja: roman. M.: Sov. Rossija, 1981. 384 s.

3. Brodskij N.A. Russkie hudozhniki i Lev Tolstoj // L.N. Tolstoj i izobrazi-tel'noe iskusstvo. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1981. S. 36—51.

4. Bulgakov V. Istorija Doma L'va Tolstogo v Moskve // L.N. Tolstoj: k 120-letiju so dnja rozhdenija. (1828—1948). T. 2. M.: Gos. lit. muzej, 1948. S. 523—601.

5. Butrova E. Strannik JEr'zja // Nashe Nasledie. 2013. № 108. S. 160—172. Rezhim dostupa: www.nasledie-rus.ru/podshivka/10813.php (data obrashhenija: 01.03.2015).

6. Buharin A. Tropinka k Pushkinu, ili Dumy o russkom samostojanii. Rezhim dos-tupa: https://books.google.ru/books?isbn=5457614158 (data obrashhenija 01.04.2017).

7. Gusev N.N. Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo. V 2 t. T. 2. 1891—1910. M.: Goslitizdat, 1960. 920 s.

8. Efremov JU.K. Skul'ptor Stepan JEr'zja: (Mordovskij samorodok). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. 292 s.

9. Kalugina O.V. Russkaja skul'ptura Serebrjanogo veka. Puteshestvie iz Peterbur-ga v Moskvu. M.: BuksMArt, 2013. 336 s.

10. Kljueva I.V. «Bethoven» Stepana JEr'zi v kontekste hudozhestvennoj antropo-logii moderna i simvolizma // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2006. № 3. S. 231—238.

11. Kljueva I.V. «Dorogoj drug Matil'da Davidovna…»: pis'ma S.D. JEr'zi k M.D. Ryndzjunskoj kak istochnik izuchenija ego biografii i tvorchestva // Centr i periferija. 2014. № 4. S. 36—42.

12. Kljueva I.V. S.D. JEr'zja i ukrainskie skul'ptory: peresechenija, paralleli, vlijanie // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2014. T. 6. № 6—2 (28).

13. Kljueva I.V. Stepan JEr'zja: interpretacii tvorcheskogo psevdonima skul'ptora (analiticheskij obzor) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 5.

14. Kljueva I.V., Grincova O.V. Hudozhnik v kul'turno-istoricheskih versijah jestetizma (romantizm, modernizm, postmodernizm) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 1. Rezhim dostupa: www.science-education.ru/121-18762 (data obrashhenija 08.06.2015).

15. L.N. Tolstoj i hudozhniki: Tolstoj ob iskusstve: Pis'ma, dnevniki, vospomi-nanija. L.: Iskusstvo, 1978. 375 s.

16. Lobanova A. Skul'ptor JEr'zja. Argentinskij period tvorchestva // Russkoe is-kusstvo. 2015. № 4. 66—72.

17. Minchenkov JA.D. Vospominanija o peredvizhnikah. L. Hudozhnik RSFSR, 1980. 475 s.

18. Moro A. Stepan JEr'zja: dok.-hudozh. roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1997. 336 s.

19. Paporov JU.N. Velikij JEr'zja. Priznanie i tragedija: lit.-dok. Povest'. Stepan JEr'zja: biografija v dokumentah. Saransk, 2006. 424 s.

20. Polevoj B.S. JEr'zja (Stepan Dmitrievich Nefedov). Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1969. 72 s.

21. Sergeev M.G. S rodinoj v serdce // Vospominanija o skul'ptore S.D. JEr'ze. Sa-ransk, 1972. S. 31—83.

22. Suteev G. Skul'ptor JEr'zja. Biograficheskie zametki i vospominanija. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1968. 176 s.

23. Tolstaja S.A. Dnevniki, 1901—1910; Ezhednevniki. V 2-h t. T. 2. 1901—1910. M.: Hud. lit., 1978. 669 s.

24. Tomashevskij B.V. Literatura i biografija // Kniga i revoljucija. 1923. № 4 (28). S. 6—9.

25. Hitajlenko N.N. Lev Tolstoj v Hamovnikah. M.: Planeta, 1994. 49 s.

26. SHibakov N. Glaza v glaza: Rasskaz (JEr'zja i L. Tolstoj) // Solncestojanie. Lit.-hud. sb. Saransk, 1974. S. 47—55.

27. JEr'zja i Lev Tolstoj. Rezhim dostupa: http://Erzia.info/publ/stepan_dmitrievich_ehrzja/ehrzja_i_lev_tolstoj/1-1-0-11 (data obrashhenija 01.04.2017).

28. Cahn A. Erzia. La vida y la obra rebeldes y peculiares de Stefan Nefedov. Buenos Aires: Talleres Gráficos A.J. Weiss, 1936. 103 p.

Рецензенты:

Богатырев Э.Д., докт. ист. наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарёва;

Агеева Г.М., докт. культурологии, заместитель директора по информатизации Института Национальной культуры Национального исследовательского Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарёва.